

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

СТАЛИН

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

P15

Радзинский Э.С.

P15 Сталин. Жизнь и смерть./ Эдвард Радзинский. – Москва: АСТ, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-17-089455-0 (АиФ.Исторический роман)

ISBN 978-5-17-089750-6

«Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой» (Отк. 18: 10). «Я первый и Я последний, и кроме меня нет Бога» (Ис. 44:6). Эти слова Святой Книги должен был хорошо знать ученик Духовной семинарии маленький Сосо Джугашвили, вошедший в мировую историю под именем Сталина. Одна из лучших книг Эдварда Радзинского о самом противоречивом герое мировой истории.

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

12+

**Радзинский Эдвард Станиславович
СТАЛИН**

Жизнь и смерть

Ведущий редактор *М. П. Николаева*

Корректор *И.Н. Мокина*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Компьютерная верстка *В.В. Брызгаловой*

Подписано в печать 20.01. 2011 Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 16,80

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

ISBN 978-5-17-089455-0

(АиФ.Исторический роман)

ISBN 978-5-17-089750-6

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-089455-0



9 785170 894550

ISBN 978-5-17-089750-6



9 785170 897506

«Тиран возникает... из корня, называемого народным представительством. В первое время он улыбается, обнимает всех, с кем встречается... обещает много... Но, став тираном и поняв, что граждане, способствовавшие его возвышению, осуждают его, тиран вынужден будет исподволь уничтожать своих осудителей, пока не останется у него ни друзей, ни врагов».

Платон

БЫВШАЯ ТЕНЬ**ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ**

Пленум ЦК принял рекомендованное Лениным еще до болезни решение: монополия внешней торговли должна оставаться в руках государства. Троцкий выступал главным агитатором за это решение. Он явно исполнял теперь при Ленине роль Кобы. Крупская сообщила мужу о победе его решения, и едва оправившийся после припадков Ленин диктует письмо Троцкому: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела (резолуция о внешней торговле. — Э. Р.). Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление».

Наступление — все та же атака на Кобу. Ленин умеет бороться.

На следующий же день Каменев, испугавшийся явного сближения Троцкого с Лениным, пишет записку Сталину о контакте вождей:

«Иосиф, сегодня ночью мне звонил Троцкий, сказал, что получил записку, в которой Старик выражает удовольствие принятой резолюцией...»

Сталин отвечает: «Тов. Каменев... Как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении доктора Ферстера?» Новый тон: он уже не Иосиф, он — Генсек, никому не позволяющий нарушать партийное решение.

И тогда Сталин вызывает Крупскую по телефону и орет на нее. Попросту грубо орет.

Крупская в шоке. Вернувшись с работы домой, «она была совершенно непохожа на себя: рыдала, каталась по полу», — вспоминала Мария Ульянова.

Видимо, тогда же, в нервном срыве, Крупская не выдержала и рассказала Ленину об оскорблении. Взбешенный Ленин написал Сталину письмо о разрыве отношений.

Одновременно Крупская отправила яростное письмо Каменеву: «Лев Борисович... Сталин позволил себе по отношению ко мне грубейшую выходку. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем т. Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить, я знаю лучше всякого врача. Во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию (Зиновьеву. — Э. Р.), как наиболее близким товарищам В. И., прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Она не сразу поняла, что произошло. Впервые в жизни жена Ленина увидела Сталина. До того она знала только верного Кобу. Но, постепенно придя в себя, Крупская сумела оценить новую ситуацию и понять свою беспомощность. И видимо, тогда же она упростила секретаря подождать отсылать Сталину ленинское письмо.

Между тем Каменев, получив письмо Крупской, понял: война Вождя со Сталиным возобновилась. Каменев отправился к Троцкому. Они обсудили ситуацию и решили... оставить Сталина!

Впоследствии Троцкий вспоминал эту сцену. «Я стою за сохранение „статус кво“, — заявил он Каменеву. — Если Ленин до съезда встанет на ноги, что мало вероятно, мы обсудим этот вопрос заново. Я против ликвидации Сталина, но я согласен с Лениным по существу. Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится... Кроме того, нужно, чтоб Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями...»

Глубокой ночью Каменев сообщил Троцкому, что Сталин принял все условия и Крупская получит от него письмо с извинениями. И тогда Крупская уговорила Ленина не посылать свое письмо. «В. И. она сказала, что они со Сталиным уже помирились», — вспоминала Мария Ульянова.

Ленин согласился — он умел обуздывать порывы. Он решил сначала подготовить новое наступление и лишь тогда отослать письмо.

Но Сталин в курсе всего, что делается в ленинском доме.

Мария Ульянова: «Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет, он имел расстроенный и огорченный вид. «Я сегодня всю ночь не спал, — сказал он мне, — за кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится, как к изменнику какому-то, я же всей душой его люблю. Скажите ему это как-нибудь».

Да, он решил в последний раз притвориться Кобой.

Но важнейший урок из происшедшего он усвоил: Троцкий и Каменев так ненавидят друг друга и так боятся возвышения друг друга, что оба оставят его Генсеком. Даже вопреки воле Ленина.

НЕУТОМИМЫЙ В. И.

Ленин жил в Кремле — он должен был уехать в Горки, но обильный снегопад завалил дорогу. Однако он не терял времени. Едва оправившись от приступов, Вождь продолжил сражение.

С конца декабря он тайно диктует «Письмо к съезду», которое войдет в историю как завещание Ленина. Ильич поставил условие: письмо должно быть прочтено только тому съезду, который состоится после его смерти.

СТАЛИН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

В этом письме Ленин дал характеристики всем ближайшим соратникам — и у каждого отметил весьма существенные недостатки.

Наконец он перешел к Сталину. Его характеристику Вождь связал с... Троцким: «Отношения между Сталиным и Троцким составляют большую половину опасности того раскола, который был бы избегнут... увеличением числа членов ЦК... Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, Троцкий... он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и... хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Так он ударил по двум нелюбимым людям.

Документ переписывается секретарем. Черновики сжигаются. Копии укладываются в конверты с надписью «Строго секретно» и отправляются Крупской. Она должна их вскрыть только после смерти Ленина.

Но одна копия, за сургучными печатями, остается в секретариате.

Почему помешанный на секретности Вождь вдруг стал таким наивным? Как он мог поверить, что переданная в его секретариат копия останется неизвестной его соратникам? Неужели он не знал, что слуги не выполняют приказов бывших господ?

И Фотиева тотчас позаботилась: в Партархиве осталось ее письмо Каменеву: «Товарищу Сталину в субботу 23 декабря было передано письмо В. И. к съезду... Между тем уже после передачи выяснилось, что воля В. И. была в том, чтобы письмо хранилось строго секретно в архиве и могло быть распечатано только В. И. или Крупской... Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо... смотреть на него как на запись мнения В. И., которое никто не должен знать».

На письме Фотиевой пометы: «Читал Сталин. Только Троцкому». Троцкий: «О письме В. И., естественно, никому не рассказывал».

Итак, «случайно» не поняв Ленина, Фотиева тут же передает письмо Сталину, а тот... Троцкому.

Потом (как мы узнаем) Фотиева знакомит с письмом Каменева и Зиновьева. И скорее всего — с согласия Сталина.

Почему? Там содержатся их весьма нелестные характеристики, что делает всех крайне заинтересованными в том, чтобы о письме никто не узнал. Так Сталин обеспечил себе союзников в сокрытии письма.

Но в начале января 1923 года неутомимый Ленин добавил новый текст: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю способ

перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который... отличался бы от Сталина только одним перевесом: был бы более терпим, более лоялен, более вежлив, более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

На этом Ленин не останавливается. Он начинает писать серию статей, одна из которых — резкая критика Рабкрина, бывшего наркомата Сталина. Ленин умеет бороться...

Но Сталин, видимо, тотчас обо всем узнал, и в феврале доктор объявил Ленину, что ему «категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация»... «В этом запрете Ленин увидел уже не медицинскую рекомендацию, — вспоминала после смерти Сталина сразу осмелевшая Фотиева. — И Владимиру Ильичу стало хуже. Его расстроили до такой степени, что у него дрожали губы... по-видимому, у В. И. создалось впечатление, что не врачи дают указание ЦК, а ЦК дает инструкции врачам».

Но Ленин придумал, как избавиться от опеки Сталина. 5 марта он вдруг отсылает ему то самое яростное письмо по поводу уже исчерпанного инцидента с Крупской: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам выразила согласие забыть сказанное... я же не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. Копии — тт. Каменеву и Зиновьеву».

Ленин полагает, что взорвал ситуацию. Разве может надзирать за ним человек, с которым он порывает отношения? Даже если Сталин извинится, Ленин найдет, как продолжить ссору. Так что ЦК придется что-то предпринять.

Но он не знает, что Сталин просчитал и этот ход. Еще 1 февраля он попросил Политбюро освободить его от опеки над больным Лениным. Он знал, что Зиновьев и Каменев, напуганные попытками умирающего Вождя блокироваться с их врагом Троцким, не позволят Ленину уйти из под его надзора. Так и случилось. Политбюро постановило: «Отклонить». И теперь волею партии он остался ленинским тюремщиком — до конца.

Утром Сталин получает ленинское письмо, но он спокоен. Он знает ночную новость. Ярость дорого стоила Ленину — ночью он потерял дар речи и долго шептал отрывочные слова и звуки, записанные врачами: «Помогите, ах черт... черт... ет... помог...»

«Ет» — это, видимо, тот же «черт». И хотя под утро речь к Ленину вернулась, Сталин не сомневается: черт более не поможет. Скоро!

СТАЛИН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

И он тут же пишет ответ. Много десятилетий будет храниться это письмо в секретном архиве — последнее письмо бывшего Кобы бывшему Вождю: «Т. Ленин! Недель пять тому назад я имел беседу с т. Надеждой Константиновной... сказал по телефону ей приблизительно следующее: „Врачи запретили давать Ильичу политинформацию... между тем вы, оказывается, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича“ и прочее. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое... предпринятое „против вас“. Впрочем, если вы считаете, что для сохранения отношений я должен взять назад сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего, собственно, от меня хотят?»

Письмо жесткое. Пора этому полутрупцу понять: Коба умер, а Сталин не церемонится.

Но этого ответа Ленин не прочел.

10 марта Сталин узнал: удар лишил Вождя и чтения, и письма, и речи. Последний звонок прозвучал...

И тогда последовала просьба, о которой Сталин тут же сообщает письмом членам Политбюро: 17 марта Крупская «в порядке архиконспиративном... сообщила мне просьбу Вл. Ильича достать и передать порцию цианистого калия... Н. К. говорила... Вл. Ильич переживает невероятные страдания... Должен заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу и вынужден отказаться от этой миссии... о чем довожу до сведения Политбюро...»

Вряд ли несчастный Вождь уже мог что-то соображать. Это сама Крупская пытается исполнить его прежнюю волю — избавить мужа от мучений. И действительно, Сталин сообщает друзьям по «тройке» Зиновьеву и Каменеву, цитируя в кавычках ее слова: «Надежда Константиновна сообщила... она пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Он знает нравы своих товарищей: потом они же его обвинят. Нет, пусть Ильич потрудится — умрет сам. И члены Политбюро, естественно, одобрили это решение. Теперь Сталин был чист.

НА СТАРТЕ

В Кремле впрямую началась битва за власть. И не только за власть — за жизнь. Каждый из претендентов умел кроваво расправляться с политическими врагами. Гражданская война и Красный террор сформировали этих руководителей. И те же ленинские университеты. В условиях «осажденной крепости», какой представлялась

им страна, беспощадность была объявлена высшей добродетелью. Сколько кровавых высказываний у Зиновьева, Каменева, Бухарина... Троцкий точно сформулировал их общее кредо: «Поповско-квакерская болтовня о священной ценности человеческой жизни». Так что каждый из них знал, какой может стать цена поражения...

Только Сталин был крайне осторожен в призывах к крови. По сравнению с ними он казался самым умеренным. За ним не было кровавых слов. Только дела. Как правило — тайные дела.

Как расположились претенденты? Первым, бесспорно, стоял Сталин. У него не было той славы, которая была у Троцкого. Да, мало славы — зато много власти. Ленин сосредоточил в его руках власть над партией, а в руках партии — власть в стране. В его распоряжении находятся центральный аппарат и местные комитеты, 15 тысяч партийных функционеров, диктующих политическую и хозяйственную жизнь, — его ставленники.

Далее следовал тандем Каменев — Зиновьев. Первый — глава Московского Совета, заместитель Ленина в Совнаркоме — «лошадка исключительно способная и ретивая, которая два воза везет», как говорил о нем Ленин. Второй — глава Петрограда, он же возглавляет Коминтерн.

Далее — Троцкий. Он руководит военными силами Республики. Но армия демобилизована и сокращена. Ленин позаботился: «брат-враг» теперь — самый невлиятельный, наиболее удаленный от ключевых постов. И все-таки за Троцким ореол второго вождя революции...

И наконец — Бухарин, редактор «Правды», ведущий теоретик партии. Он не конкурент, но очень важно, к кому он примкнет.

Троцкий рванул со старта раньше всех. 13 марта публикуется в газетах первый осторожный бюллетень «об ухудшении здоровья Ленина», и уже на следующий день в «Правде» появляется статья ближайшего сподвижника Троцкого Карла Радека «Лев Троцкий — организатор побед». Для обывателей и рядовых членов партии это должно было выглядеть сигналом: Троцкий — преемник Вождя.

Троцкий поспешил к будущему съезду.

В апреле состоялся XII съезд партии, последний съезд, не до конца сформированный Сталиным. На нем сторонники Троцкого старательно распространяют слухи о некоем завещании Ленина, где Лев Давидович назначен его преемником...

Троцкий выступает с блестящим докладом о промышленности — гром оваций. «Неприлично, так Ленина не встречали», — замечает Ворошилов. Успех Троцкого вызывает ярость завистливо-

го Зиновьева и испуг Каменева. Доклад сделал свое дело — страх перед Львом заставляет Каменева, Зиновьева и Бухарина окончательно соединиться с Генсеком, ибо Сталин — сила, которая может противостоять опаснейшему Льву.

Так Троцкий сам сформировал антитроцкистскую группу.

В мае прекращается печатание бюллетеней о здоровье Ленина. Стране сообщают: угроза смерти миновала. Люди начинают верить, что Вождь вернулся к работе. Это выдумка Сталина. Специальным решением ЦК он вводит «контроль за всякой информацией о здоровье Ильича». Даже Троцкий вынужден черпать сведения от доктора Гетье, лечившего Ленина и его самого. Однако Сталин удаляет врача от Ленина.

В мае Ленина перевезли в Горки. Его вынесли на носилках из автомобиля. Несчастный Вождь улыбался непонимающей улыбкой идиота. «Он крепко жал мне руку, я инстинктивно поцеловал его в голову, но лицо!!! Мне стоило огромных усилий, чтобы... не заплакать», — вспоминал Преображенский.

По поручению Генсека сделаны фотографии Ленина в тот период и приглашен художник Анненков рисовать последний портрет. «Полулежащий в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его болезни», — записал Анненков. Сталин хочет иметь свидетельства: в последний период жизни Ленин был слабоумным. Тогда и последние ленинские записи можно объявить плодом слабоумия...

«Но Крупская запретила рисовать», — пишет Анненков.

В Партархиве я прочел трагические письма Крупской. 6 мая 1923 года она писала дочери умершей возлюбленной Ленина, Инессы Арманд: «Ты упрекаешь меня, что я тебе не пишу, но ты совершенно не представляешь, что у нас делается... тому, что происходит сейчас, нет названия... И люди все ушли — выражают сочувствие, но заходить боятся. Живу только тем, что по утрам Володя бывает мне рад, берет мою руку, да иногда мы говорим с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия».

Но в июне Сталин с изумлением узнает: Ленин не только выжил — он начинает поправляться!

Сам Генсек в Горки более не приезжает и никого туда не пускает, мотивируя это нежеланием больного. Ленин по-прежнему не говорит, однако усердно занимается. В Партархиве хранятся тетради со странными текстами: «Это наша собака. Ее зовут Джек. Она играет...» Это тексты, по которым Крупская учила Вождя говорить.

Наиболее успешно Ленин воспроизводил слова: «пролетарий, народ, революция, буржуй, съезд».

«Усвоенный речевой материал» исчезал из памяти, зато «понимание речи окружающих восстановилось», и анализ действительности уже не вызывал затруднений... Например, для Ленина, любившего собирать грибы, «заранее набрали их и рассадили по дорожке, по которой его обычно провозили на коляске». Но гриб, тронутый его палкой, тотчас повалился. Эта недооценка его интеллектуальных способностей вызвала у Вождя «резкое раздражение».

Все эти наблюдения врачей внимательно читал Генсек. Сообщали ему и о грозных припадках гнева, которые повергали в трепет окружающих. Ленин уже торопился выздороветь. Крупская вспоминала: «Я ему говорила: «Вот речь восстанавливается, только медленно. Смотри на это как на временное пребывание в тюрьме».

Ленин знал, что он в тюрьме, и, видимо, яростно думал, как из нее выбраться.

В это время уже всю работу сталинский секретарь Товстуха — собирает документы Ленина. В Партархиве я нашел мандат, выданный Товстухе для изъятия документов Ленина из архивов его соратников. Сталин готовил новую шахматную партию, и в его игре эти бумаги будут бесценны.

А пока по Москве начинают гулять анонимные брошюры типа «Маленькой биографии большого человека». В них на основании ленинских цитат доказывается: Троцкий всегда был против Ленина.

Эта «клозетная литература», как презрительно назвал ее Троцкий, распространяется и в провинции. Действует Товстуха...

«С ЖИРУ БЕСИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ МОИ»

Летом 1923 года вожди отбыли отдыхать. Зиновьев и Бухарин отправились в Кисловодск, оставив в Москве Каменева.

Генсек, конечно же, сидит в изнывающей от жары Москве. Не до отдыха — работа, бесконечная работа. К тому же его тревожит странное улучшение здоровья Вождя.

В летнем перерыве борьбы с Троцким Зиновьев и Бухарин решают нажать на Сталина — заставить его поделиться властью. Отдыхающие пишут ему шуточно: «29. 07. 23... Два обывателя предлагают ввести в Секретариат для консолидации Зиновьева, Троцкого, Сталина».

Но содержание письма нешуточное: они задумали уравнивать шансы. В этом случае, чтобы побеждать ненавидящего его Троцкого, Сталин будет вынужден постоянно блокироваться с Зиновье-

СТАЛИН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

вым, то есть выполнять решения «тройки». Он мог только усмехнуться: нашли глупца!

Тогда же Зиновьев пишет Каменеву: «И ты позволяешь Сталину так прямо издеваться (далее он сообщает бесконечные факты самоуправства Сталина, пока они отдыхают. — Э. Р.)... Мы этого терпеть больше не будем...»

Конечно, Генсек в курсе их переписки. Верное ГПУ уже следит за каждым из них. Но он знает средство заставить их успокоиться. Он пишет Бухарину и Зиновьеву: «Не пойму, что я должен сделать, чтобы вы не ругались. Было бы лучше, если бы вы прислали записочку — ясную и точную. Все это, конечно, в том случае, если вы в дальнейшем за дружную работу (я... стал понимать, что вы не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное)... Действуйте, как хотите. Дней через 8-10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего.

Постскриптум. Счастливые вы, однако, люди. Имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы... а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая. Причем я же оказываюсь виноватым. Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь, друзья мои. И. Ст.»

Средство действует безотказно. Упоминание об отставке смертельно пугает. Если уйдет Сталин — может прийти Троцкий. То же он сможет проделать и с Троцким, который также знает: уйдет Сталин — придут Зиновьев и компания. Да, они боятся его — «грубого, примитивного грузина», но куда больше боятся друг друга. Он легко просчитал: их страх и взаимная ненависть обеспечат нужный ему финал шахматной партии.

И Зиновьев с Бухариным тотчас пишут ему: «Разговоры о разрыве — это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи. Куда Вы думаете ехать отдохнуть? Привет».

Он хорошо изучил этих господ. Дело не в одном их страхе перед Троцким, есть и другой страх — перед работой. Они не любят тянуть лямку, предпочитают представлять. А работать должен он.

Что ж, он будет работать. Тогда же он пишет им письмо — о слухах насчет ленинского «Письма к съезду». Он все знает о письме, но хочет понять, что знают они.

10 августа 1923 года Зиновьев и Бухарин пишут Сталину: «Да, существует письмо В. И., в котором он советует съезду не выбирать вас секретарем. Мы, Бухарин, Каменев и я, решили пока вам о нем не говорить по понятной причине... мы не хотели вас нервировать. Но это все частности. Суть: Ильича нет. Секретариат ЦК поэтому (без злых желаний ваших)... на деле решает все. Равноправное со-

трудничество при нынешнем режиме невозможно. Отсюда поиски лучшей формы сотрудничества. Ни минуты не сомневаемся, что сговоримся».

Они все еще надеялись, что он добровольно отдаст созданный им аппарат! Представляю, как он усмеялся...

Но одна вещь его беспокоила. Они думали, что Ильича больше нет, а он с ужасом видел: Ленин начинает выздоравливать!

«С июля пошло выздоровление, появилась возможность не только сидеть, но и ходить, опираясь на палку... речь начала возвращаться именно в октябре», — писала Крупская.

И тогда же, в октябре, произошел удивительный эпизод, который должен был поразить Сталина: Ленин появился в Москве.

Но сразу после возвращения в Горки вновь настали ужасные дни: выздоровление прекратилось, и Ленин начал умирать.

Будто что-то случилось во время этой поездки...

КРЕМЛЕВСКАЯ ТАЙНА

Крупская: «В один прекрасный день он сам отправился в гараж, сел в машину и настоял ехать в Москву... Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком. Разобрал свои тетради, отобрал три тома Гегеля... потом захотел поехать по городу. На другой день стал торопить обратно в Горки. Больше о Москве разговора не было».

Но в автомобиле с Лениным была не только верная жена. Крупская не упоминает, что вместе с ними ехала Мария Ульянова. И это не простая забывчивость.

Все тот же Валентинов опубликовал переданный ему рассказ Марии Ильиничны: «Всю дорогу из Горок Ленин подгонял шофера, чего прежде никогда не делал... Выйдя из своего кабинета в Совнарком, Ленин потом прошел в свою квартиру, долго искал там какую-то вещь и не нашел. Ленин пришел от этого в сильнейшее раздражение, у него начались конвульсии». По приезде Ульянова рассказала об этом доктору, его вызвала Крупская: «В. И. болен и может в несколько искаженном виде представлять явления. Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то письма и документы у него украдены. Такой слух может принести только большие неприятности. Я прошу вас забыть все, что говорила Мария Ильинична... Об этом она вас тоже просит».

Но что же было в ленинском кабинете? Что искал Ленин?

Ленинское «Письмо к съезду» оставляет странное впечатление какой-то явной недоговоренности.

К примеру, он пишет о необъятной власти, оказавшейся у Сталина, выражает опасения, что тот не всегда сумеет «достаточно осторожно ею пользоваться». И что же — снять с поста? Нет, Ленин этого не предлагает. Более того, будто для доказательства, что Сталина нечем заменить, он дает нелестные характеристики остальным партийным вождям... Значит, не снимать? Но что делать? Оказывается, надо лишь «увеличить число членов ЦК за счет рабочих». Выходит, рабочие и должны обуздать властолюбие Сталина и партийных боссов? Неужели Ленин мог быть так наивен?

Впрочем, после сталинской грубости с Крупской Ленин дописывает новый абзац, где уже требует «перемещения Сталина с поста Генсека». И все? Никакой рекомендации — кем заменить? Никакого имени? Но это же означает хаос! Не может Вождь оставлять партию без точных указаний! Они должны были быть! Но где они? Почему их нет?!

И еще: не мог же Ленин в этом своем последнем письме, уделив внимание национальному вопросу, не написать подробно об экономике? В результате пришлось выискивать его идеи на эту тему в последних статьях, которые будут торопливо объявлены Крупской его истинным завещанием, что, кстати, совершенно неправомерно, ибо согласно традициям партии все, что годится для печати, как правило, является лишь тактикой, то есть обманом. Истинные цели — стратегия — обычно скрыты, они известны лишь посвященным. Они — в сверхсекретных инструкциях, распоряжениях.

Опытный политик, Ленин не мог не понимать также, что его письмо в подобном виде может попросту не дойти до партии. Уничжительные характеристики, которые он щедро роздал всем наследникам, объединяет их в желании скрыть его. Что, кстати, и случилось. И когда американский коммунист Истмен рассказал о «Письме к съезду», Троцкий тотчас объявил: никакого письма не существует.

И еще странность: лучше всех в этом письме выглядит... Сталин! Он единственный, кого Ленин обвиняет лишь в грубости, нетерпимости. Но грубость никогда не считалась недостатком в пролетарской партии, а приписка Ленина о перемещении Сталина могла быть расценена всего лишь как эмоциональный всплеск — результат конфликта с Крупской. Неужели блестящий журналист Ленин, жаждущий снять Сталина, всего этого не понимал? Понимал, не мог не понимать. Тогда что же?

Скорее всего, дошедший до нас текст — лишь часть письма... Опытный конспиратор, Ленин специально оставил этот вариант в секретариате, догадываясь о ненадежности сотрудников. Это был текст для Сталина.